

Кондратьев В
мисс

1984

11 мая 1984

СМЕНА
г. Ленинград

СМЕНА

ВОСКРЕСНЫЙ

ГОСТЬ

«СМЕНИ» —

ПИСАТЕЛЬ

ВЯЧЕСЛАВ

КОНДРАТЬЕВ

Только несколько названий: «Сашка», «Привет с фронта», «Селижаровский тракт», «День Победы в Черновле». Эти и другие его рассказы и повести на полках библиотек не залеживаются, потому что правда о прошедшей войне, которую вслед за другими талантливыми литераторами смог выразить автор, — просто ослепительная. На спектакль Ленинградского молодежного театра «Спуск по ранению», сделанный по его книге, билета не достать. А он снова и снова склоняется над рукописью. И опять, о чем бы ни писал, память властно возвращает человека туда, в сорок второй, подо Ржев, к ребятам его взвода...

— Вячеслав Леонидович, читая ваши книги, понимаешь, что и Сашка, и Володька-лейтенант — это во многом вы сами. И все-таки прежде всего хотелось бы разузнать чуть подробнее, какой она была — ваша война, как для вас началась, как закончилась...

— В Красной Армии я оказался по так называемому «воробьевскому призыву» — в тридцать девятом, с первого курса архитектурного института... Хотя и случилось это достаточно неожиданно, необходимость армейской службы мы ощущали остро: в сентябре гитлеровцы напали на Польшу, началась вторая мировая. И было ясно, что нам сражения не избежать тоже... Московские мальчишки быстро становились мужчинами. Надо сказать, что служба на Дальнем Востоке дала нам очень много: и физически, и морально к войне были готовы. Правда, не хватало умения. Например, когда, оказавшись на фронте, подошли к передовой, я не знал, какова убийная сила немецкой мины. Мы прекрасно оккупывались, хорошо стреляли, владели искусством рукопашного боя, но не знали, что вся передовая ночью будет освещена ракетами. Не зная, что гитлеровцы свою оборону оборудуют консервными банками на проволоке: когда разведчики подходят, банки начинают греметь, и можно бить по уже пристрелянным местам... Да, многое было вновь...

— Первый день войны, описанный в повести «Сашка», совпадает с вашим?

— Вполне. Помню, воскресный вечер, танцплощадка, у нас — чумовое настроение: ведь без пяти минут лейтенанты запаса, на носу демобилизация... И вдруг — радио: война! Построили нас по тревоге, и командир сказал: «Слово «запас» забудьте. Вы станете кадровыми командирами».

— Чисто психологически трудно было перестроиться?

— Не трудно. Вероятно, тут сыграло свою роль и то, что после сравнительно недавних событий на Хасане и Халхин-Голе люди на Дальнем Востоке находились в постоянном ожидании возможных военных

действий... А потом молодость, как известно, страха знать не желает. Уже в первый день к штабу голка потянулась очередь желающих немедленно идти на фронт. В докладных каждый это стремление мотивировал по-своему. Мой друг Илья Лапшин, например, написал: «Я поэт, и мое место — на передовой». Илья своего добился и погиб героем... Недавно мне попались на глаза письма, которые я поздней осенью сорок первого по дороге на фронт с Урала писал маме. Тогда уже знал, что война предстоит не такая, как в некоторых песнях тридцатых годов, а долгая и очень трудная. Так вот, письма очень откровенные, и из них видно, как я подготавливал себя к тому, что, вполне возможно, погибну под Москвой. И успокаивал себя именно тем, что если и погибну, то — защищая родной город, столицу Отечества...

— В «Лихоборах» описана именно эта ваша дорога к фронту?

— Почти один к одному... Потом, в Лихославле, — первая бомбежка эшелона: бежали от вагонов, было страшно и стыдно, тем более что рядом — вагон санроты с девочками... Дали слово: в следующий раз — без паники. Так оно и случилось... Далее — дорога на фронт уже в пешем строю, причем почему-то она осталась в памяти даже сильнее, чем первый бой. Шли три дня и три ночи... Когда в сорок втором был в отпуске, пытался писать о той ночной дороге: на западе все время — полыхающее небо, первые раненые на повозках... Близ передовой увидели ракеты, следы транссибирских пуль... Страшно? Конечно, страшно. Но больше страха было желание поскорее участвовать в том великом, что происходит со страной...

На рассвете открылось нам огромное белое поле, а впереди чернеют крыши трех деревень: Усово, Овсянниково, Паново... И подбитые танки тоже чернеют. И лежат по всему полю те, кто безуспешно пытался эти деревеньки взять штурмом накануне... Сегодня это нужно сделать тебе, а ведь у тебя перед ними, погибшими, нет ни единого шанса. И опять, конечно, страшно. Но не только смерти бояться, а и того, что вдруг трусишь, не сможешь подняться в атаку — это для нас было тогда страшнее смерти... Все помню — и ватные ноги после команды: «Вперед!», и разрывы мин, и снег, рябой от пуль, и удивление, что бежишь (не убит пока, даже не ранен!)... Потом — отход после неудачной атаки. Горькое ощущение: не освободили Овсянниково, зазря столько погиб-

ших... И злость: ничего, возьмем!

— Эта деревенька, это поле, судя по всему, место в вашей жизни занимают особое... Вспоминаю только названия некоторых рассказов: «На поле овсянниковском», «Овсянниковский овраг»... А ваш первый бой, судя по услышанному сейчас, описан в повести «Селижаровский тракт»...

— Не только эта деревенька, но вообще бой подо Ржевом... Помните, у Твардовского: «Я убит подо Ржевом, в безымянном болоте, в пятой роте, на левом, при жестком налете...». Один полковник рассказывал: «Прошел всю войну — через Сталинград, Курскую дугу, до самого Берлина, но все-таки тяжелей всего было подо Ржевом...» Неудивительно, что Овсянниково, Ржев значат в моей судьбе столь много... Ну а закончил я войну в конце сорок третьего, под Невелем: тяжелое ранение, госпиталь... В Москву вернулся инвалидом... В сорок пятом, утром девятого мая, приковылял на костылях Володька Девя — тот самый, из повести «Встречи на Сретенке»: «С Победой!»

— Значит, и Девя — лицо тоже вполне реальное?

— А как же... Сретенка, Колхозная площадь, Третья Мещанская — это места моего детства, юности. И мои друзья чаще всего жили поблизости...

— И все же: за тем, что вы пишете, — только ли личный опыт?

— Нет, не только. Потому и не смог писать сразу, по горячим следам, что, кроме собственного опыта, тогда у меня ничего еще не было... Все мои друзья воевали, и их рассказы, конечно же, откладывались в памяти. Со временем произошло какое-то осознание того, что было. Ну, например, ни за что бы не стал писать «Отпуск по ранению», скажем, через десять лет после войны. Тогда бы я рассуждал примерно так: «Ну что, собственно, в том, что Володька-лейтенант приехал до окончательного излечения в Москву? Ну, лечился, гулял, знакомился — что здесь необычного?» В самом деле: сколько тогда рядом было таких же, которые так же в свое время приезжали, лечились, гуляли, знакомились... Однако прошли годы, бывших фронтовиков — все меньше и меньше, и я теперь воспринимаю это совсем наоборот: все отчетливее понимаю, ЧТО стояло за этим отпуском и еще, что это был НЕ ТОЛЬКО МОЙ отпуск, но и отпуск очень многих, может — десятков тысяч, и наши переживания, наверное, были схожими. Значит, можно и важно

об этом рассказать. Также наверняка тогда не пришло бы мне в голову писать «Селижаровский тракт»: все же прошли эту дорогу на войну, все сутки и больше с эшелона добирались до передовой. Что интересного: идет батальон, месит грязь или вязнет в снегу... А однажды вдруг все это показалось важным: да, эту дорогу прошли все, но почему же никто не поведал подробно обо всех сложнейших ощущениях, которые на той дороге люди испытывали?

— Сразу после войны чаще всего писались книги, где рассказывалось о каких-то исключительных событиях: «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке» и другие повести, романы, поэмы были посвящены особым проявлениям человеческого духа, верности, доблести, героизма...

— Да, а вот прозу войны тогда не писал почти никто. Впрочем, это можно понять: люди так устали от войны, что хотелось уберечь их от новых воспоминаний о грязи и крови. Уберечь от многих страшных подробностей военного бытия... А сейчас, на расстоянии, каждая такая подробность стала очень важной. На-

— Верю: пока живы бывшие фронтовики, пока в каждом доме висят фотографии погибших на полях Великой Отечественной, эта память прочно будет с молодыми. Кстати, иногда мы их являем «перепициваем» войной. Особенно опасно обилие приключенческой, детективной беллетристики, созданной якобы «на материале» второй мировой... Под «беллетристической» я прежде всего подразумеваю вторичный характер повествования... Помнится, в шестьдесят втором году наконец-то решился вновь побывать подо Ржевом. К этому времени у меня уже было написано триста страниц о войне. И вот когда там, на бывшем поле боя, полистал свою писанину, понял, что это беллетристика, что сейчас писать надо на каком-то совсем другом уровне. Да, как не надо писать — это уже знал. А на то, чтобы уразуметь, как надо, мне потребовалось еще четырнадцать лет...

— Может ли, на ваш взгляд, человек, не знавший войны лично, написать о ней правду, снять достойный фильм?

— Снять фильм — при наличии соответствующего материала, — думаю, способен. Например, по моему убеждению, самый лучший фильм о Великой Отечественной — «Двадцать дней без войны», снятый Алексеем Германом, который помнить те годы никак не может. Но с кино — свои проблемы. Вот Александр Сурин по моей повести «Сашка» сделал вроде достаточно серьезную картину, однако одного эпизода простить ему не в силах. Увы, не смог втолкнуть молодому режиссеру, что снятые им «страсти — мордасти», которые разыгрываются между главным героем и Зиной, с точки зрения фронтовика, — абсолютная неправда. Смертельно усталые, наконец измотанные, голодные люди там, в те дни, на такие «страсти», на такие «объятия» (взятые — ну точно! — из западных лент нашего времени) просто — напротив не были способны... Увы, порой видишь на экране войну какую-то облегченную, «опереточную». Или такая распространенная деталь: у солдата из-под пилотки волосы — аж до плеч! Актер ради роли, ради правды даже на короткое время не может пожертвовать прической — это же безразлично! И зритель, в том числе и молодой, подобную фальшь замечает мгновенно... Но если отстраниться от подобных воспоминаний, то в принципе молодые кинематографисты создали о тех днях немало по-настоящему правдивых лент... Может ли молодой автор сегодня так же сильно о войне написать? Думаю, что это ему сделать значительно труднее, потому что ему сложно найти хотя бы одну свежую, до него не описанную деталь. А ведь строки фронтовиков (например, «Атака» Генатулина) убеждают именно деталями...

— Знаю, что ваша читательская почта обильна. А из Ленинграда пишут?

— Пишут. Между прочим, я считаю себя чуть-чуть вашим земляком: когда перешел в десятый класс, родители отравили меня на берега Невы, к бабушке. Нашу школу на Петроградской стороне в блокаду разбомбили. Недавно приезжал ко мне одноклассник Вася Федотов — тоже, конечно, бывший фронтовик, полковник медицинской службы в отставке. Встретились — и как будто не было этих сорока пяти лет...

— Ну а однопольчан встречаете?

— Ни разу. Из пятидесяти, прибывших на фронт тогда с Дальнего Востока, к моменту моего последнего ранения в живых оставался лишь один Пахомов, но разыскать его не смог. Вот что такое Ржев... Отыщется ли кто? Всякий раз Девятого мая с надеждой иду к Большому театру...

С гостем встречался Л. СИДОРОВСКИЙ, спец. корр. «Смены»

Москва—Ленинград
Фото автора